

«Общество свободных дуэлянтов» производит набор желающих...

Общество свободных дуэлянтов - 1954 - 25 сент. - 1 окт. - с. 14

На днях Григорию Поженяну грохнуло 75. А научился он за эти годы совсем немногому - воевать и придумывать рифмы

Некоторое время он смотрит на телеэкран, где, как всегда, реформаторы дают бой ортодоксам, журналисты радуют народ компроматом, оппозиция грозит голодом, а власть обещает всеобщее счастье уже послезавтра, потом поворачивается ко мне, берет рюмку и мрачно изрекает:

— Россию спасет только одна организация, и я ее придумал. Общество свободных дуэлянтов. Поверь мне — все проблемы сразу решатся. Представляешь, ко мне обращаются приличные люди: Григор, ты не мог бы вызвать одного шустрого банкира, он столько народа надул, а теперь в политике собрался. И все! Я тут же, по факсу: вы, сударь, взяточник и вор, вызываю вас публично, и будьте добры соответствуйте завтра поутру. Дубликат вызова во все газеты и на НТВ...

— Чушь, — говорю я, — для идеи твоей нет законодательной базы.

— База будет. Как только Дума начнет кочевряжиться — рассылаем вызовы депутатам. Через двери дуэли они черта лысого примут, я их знаю...

Я смотрю на поэта Григория Михайловича Поженяна и чувствую, что он уже видит себя если не на Черной речке, то, как минимум, на Истре, стреляющимся не то с Зюгановым, не то с Немцовым.

Гриша вообще человек мечтательный.

Он так хотел быть высоким, голубоглазым и безруким...

На войне, уставая от бесконечных ночных ходок в тыл врага, от изнуряющей тело и душу опасности, он мечтал, чтобы его ранило. «Но куда? В грудь или голову — опасно. В задницу — стыдно. И я решил отдать левую руку. Вот, думаю, меня демобилизуют, и я, не маленький смуглый «Уголек», как звали меня в разведке, а высокий голубоглазый блондин, морской офицер, прогуливаюсь по бульвару в белом кителе с пустым рукавом, а лучше так — моя левая рука в черной блестящей перчатке. А?»

Лежа на нарах в ожидании очередной охоты на «языка», он со-

чинял о себе роман, который никогда не был написан. Но чего стоит одно название: «И вот я вышел в город без левой руки!»

— Никакой романтики в этих дуэлях не будет, — не унимается Поженян. — Нормальная очистительная работа.

— Но могут очиститься и от тебя.

— А вот про это даже не думай! Я же стреляю с обеих рук. Да и чем меня сегодня можно напугать. Я старый и уже давно живу на «бис».

Тут он смеется, радуясь собственной находке, но его черные, всегда чуть прищуренные глаза, вдруг перестают участвовать в нашей беседе...

«В красном сне, в красном сне, в красном сне бегут солдаты, те, с которыми когда-то был убит я на войне...»

Когда он говорит, что живет на «бис», то не очень-то шутит. В Одессе на улице Пастера есть мемориальная доска с именами разведчиков, которые погибли, но сумели дать воду умиравшему от жажды осажденному городу. Фамилия Поженян там тоже высечена. Его сочли погибшим, а он чудом выжил. Эта история хорошо известна и не раз описана.

...Отец до войны работал начальником строительства Челябинского тракторного завода. Когда мать просила его привезти домой дров, он отвечал: «Леля, ты представляешь, что будет, если каждый коммунист повезет со стройки дрова?»

Леля закрывала глаза, силясь представить себе этот ужас, и засыпала. Она работала врачом, а ночами и вечерами ее донимала болячками вся округа. Она никому не умела отказать, как не умела брать за свой труд деньги.

Сообщение о гибели Гриши заставило ее не только плакать, она решила пойти на фронт.

Отца в это время в семье уже не было. За «красным директором» пришли еще до войны, как обычно, ночью. На пороге он сказал сыну очень строго: «Только не вздумай от меня отказать!»

Уже на фронте девушка, благодарная Поженяну за то, что он защитил ее от притязаний пьяного интенданта, принесет Григорию на несколько минут его «личное дело». Папка, украшенная фразой: «Сын врага народа», оказы-

вается главным делом, обеспечивает обоим славу и пропитание.

Конечно, ужиться им трудно. Представляешь: вечером посидишь с друзьями. Потом закладываешься спать, а среди ночи вдруг обнаруживаешь самого себя за столом в одних трусах и пишущим стихи. Нет, ты только подумай, каков изверг этот маленький Поженян!

Я смеюсь. А потом мне приходит в голову: за всю свою жизнь он научился делать хорошо только два дела.

Убивать и писать стихи.

Только такому и могла явиться идея «Общества свободных дуэлянтов». Другая идея родилась у него, когда он ринулся снимать фильмы по собственным сценари-

ям.

Когда несколько актеров на съемках записали, он не стал их увещивать. Просто сказал: «Я вас всех убью».

И убил — переписал сценарий так, что все герои в исполнении заглянувших погибли, можно сказать, еще в прологе фильма.

«Так не бывает!» — кричали отстраненные от съемок. «Это вы мне рассказываете?» — угроюще спросил Поженян, и все сразу примолкли. Уж кто-кто, а он видел, как в минуты смерти уносит почти всех, с кем ты еще недавно ел, пил, говорил...

Но как ни ужасно это звучит, а «самым прекрасным временем жизни у меня была война. Я ощущал, как я был нужен. Там я был считанным человеком».

Он пришел в мирную жизнь с этой своей войной, с непреходящим чувством того, что каждую минуту надо быть готовым ввязаться в бой. Отсюда все — и дурачки-выходки, и благородные поступки. И стихи.

«Я с детства ненавидел хорсогласный строй певцов, и согласованный напор отлаженных гребцов. И общность наклонных спинок и общий водопой...»

Из Литинститута его выгоняли с формулировкой: «За пособничество в организации беспринципной групповщины на семинаре бывшего руководителя, ныне разоблаченного эстета и космополита Антокольского».

Поженян на собрании, организованном для «проработки» Антокольского, встал и сказал: «Ребята, это же наш учитель, что вы несете!»

Ребята как-то сразу приумолкли, но другое собрание — уже по проработке Григория — не заставило себя долго ждать. На нем выступил самый смысленный — будущий писатель-почвенник, грядущий энциклопедист иконной живописи и грибных каталогов: «Здесь говорили о Поженяне как о хулигане. Я хочу разоблачить миф о талантливости Поженяна...»

Жизнь показала, что талантливость, как и национальность, не разоблачают. Это весьма определенные вещи, которые надо либо великодушно признать, либо

посвятить свою жизнь глупым и саморазрушительным изысканиям.

— Мы же дружили! — сокрушается Поженян. — Помню, идем на рассвете мимо Кремля. А там светится только одно окно. Я, пацан, который свой комсомольский билет через всю войну протащил, восторженно говорю: «Володя, Сталин-то не спит». А он, отслуживший в кремлевском полку, отвечает: «Нет там никакого Сталина. Гальюн там солдатский». Я опешил: «А свет почему горит?» — «Да чтоб на пол не мочились». Так в этом окошке растворились мои последние восторги по поводу вождя и учителя.

«Положите мне в гроб портрет Канта»

Изнанный из Литинститута, он отправился работать на судостроительный завод. Провожал его всего один человек — Юрий Трифонов. Затем в конце каждого письма Поженяну неизбежно стояло: «Твой друг Юра».

Влияние «разоблаченного эстета и космополита Антокольского» на рабочем Поженяне внешне заметным не было. Когда местная газета на свой страх и риск опубликовала его стихи, бригадир Витя изрек: «Знал я армяна. Имел дело с еврейями. Сам — пробы негде ставить. Но так списать, чтобы никто из этих умников не догадался... Ну ты даешь!»

Позже, когда вся страна запоет песни на слова Поженяна, в московской бане, выйдя из парной, он обнаружит, что какой-то мужик захватил его шайку и поет: «Мы с тобой два берега у одной реки...»

«Шайку забрал, да еще и песню мою поешь?», — изумился Поженян. «Шайка, может, и твоя. А с песней загибаешь. Все мы, пока в бане, — композиторы», — резонно заметил мужичок.

Таковыми «рецензиями» Гриша был доволен не меньше, чем, скажем, прекрасными письмами Олеси, каждое из которых начиналось: «Дорогой бочонок поэзии». Шкловский писал ему: «Книга хорошая, умная, «ребенковая». Соленая с ветром. Небо еще напе. И есть птицы на деревьях. Мы еще поживем на оползнях своих берегов».

Он напишет не только песни, которые будет горланить вся страна, но и, например, знаменитые зонги на музыку Микаэла Таривердиева, самый запомнившийся из которых «Я такое дерево».

«Я такое дерево» стало своего рода паролем интеллигенции, которая всегда сопротивлялась той нивелировке личности, на которую рассчитывала официальная идеология.

Он опубликует десятки своих книг, снимет несколько фильмов, станет лауреатом госпремий, похоронит многих друзей, простит многих врагов.

Но все это будет позже.

Вернувшись в Москву, он закончит Литинститут.

Поначалу будет зарабатывать на жизнь биллардом, прослышет на всю Москву гулякой и драчуном, человеком малоуживчивым и физически очень сильным.

Из объяснительной: «Я побил его не потому, что он сидел в сапогах на подоконнике, а потому, что при этом он говорил гадости об Ахматовой».

Он не боялся выступить на похоронах Пастернака и прочесть стихи, после чего Валентин Фердинандович Асмус, известный философ, сказал: «А вы смелый человек».

Позже Асмус обратился к Поженяну со странной просьбой: «Когда я умру, положите мне в гроб портрет Канта, которого я любил и из-за которого у меня было столько неприятностей».

Гриша просьбу выполнил, причем не тайно, а на глазах у всех. В КГБ сломали голову, отыскивая тайный смысл в просьбе Асмуса и поступке Поженяна. Но от последнего они получили не больше объяснений, чем от покойного Валентина Фердинандовича.

— Асмус мне преподавал. Однажды на экзамене он меня спросил: «Григорий Михайлович, какие у вас отношения с логикой?» Я сказал честно: «Мы с ней даже не знакомы». Да и ты знаешь, со здравым смыслом у меня не очень... Помню, заканчивается война на Черном море, Севастополь освобожден. Мои ребята отдыхают, а мне неймется. Услышал я, что немцы отпилили голову у памятника Тотлебену. Дай, думаю, пойду посмотрю. Пришел на бульвар — точно! Стоит Тотлебен без головы. Рядом шиплет травку коза.

Вдруг знакомый звук — откуда-то летит шальная мина. Бах! И мы с козой лежим, истекающие кровью. Я к ней подполз, стал перевязывать. Подъехали солдаты, грузят меня на машину. Я говорю — без нее не поеду.

Так нас и повезли вдвоем. Думаю, мы были последними жертвами битвы за Севастополь...

С колен не встали вставшие с колен

Он не стал устраивать юбилей. Вместе с женой Еленой сел на корабль и отправился в плавание. На мой вопрос о маршруте ответил, что это не имеет никакого значения.

Я знаю, почему он в очередной раз ушел в море. Устал. Но не от прожитых лет и не от борьбы двух Поженянов. Он устал от попыток понять происходящее. Нынешняя жизнь страны, состояние умов в обществе, действия политиков, ложь, лицемерие, подковерные страсти — все это он воспринимает изумленно и крайне болезненно.

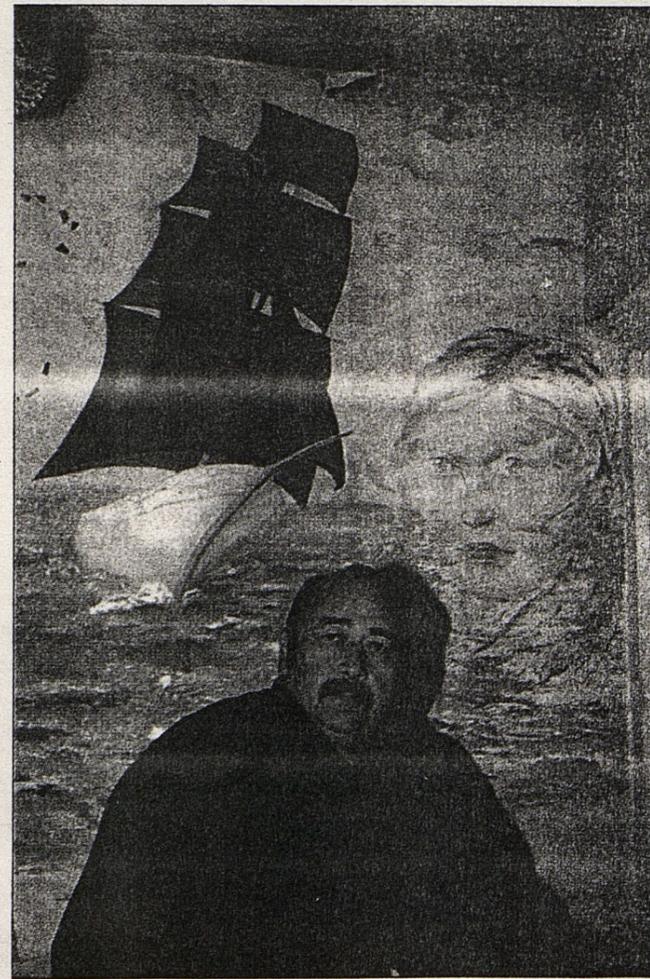
Для него мир по-прежнему устроен просто и симметрично: друг или враг, правда или ложь, добро или зло, свобода или неволя... И страна у него та, прежняя, которую он защищал. И флот, и Севастополь неделимы. Но это вовсе не означает, что Поженян не либерал, не демократ, что он не видит всей сложности происходящего. Просто он слишком много лет проплыл, как писал Трифонов, «в лаве своего времени». Однако это не мешает ему писать то, что можно смело назвать комментарием дня.

«Что за судьба: из плена снова в плен. Разгятые, не держат неба своды. С колен не встали вставшие с колен. Свободные остались несвободны.»

Недавно на заседании общественного совета по культуре при президенте России Поженян, как и другие, делился своими наблюдениями о том, что же с нами происходит.

Он остался верен себе. Встал и сказал: «Россия могут спасти только дуэли...»

Юрий СОЛОМОНОВ

Григорий Поженян сегодня.

Александр КАРЗАНОВ